

КОНЦЕПТ “ЗАПАДНАЯ АРМЕНИЯ” В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. АЙВАЗЯНА

Г. А. МКРТЧЯН
ЕГУ

В данной статье рассматривается концепт “Западная Армения” в произведениях известного армянского писателя А. Айвазяна, уже ставшего классиком. В текстах А. Айвазяна нами отмечены некоторые смысловые компоненты концепта “Западная Армения” – турецкое иго, война, потерянная родина, беженец, которые могут активизироваться в сознании армянина одним лишь упоминанием топонимов Западной Армении. Однако, как показывает наш анализ, переводчики не во всех случаях смогли распознать данный концепт, который намеренно был использован автором, глубоко переживающим некогда запретную тему истории национальной трагедии.

Ключевые слова: понятие, концепт, языковые фиксации, перевод, подтекст, лингвокультурные особенности, оригинал, Западная Армения, беженец.

Концепт – посредник между словом и экстралингвистической действительностью. Это тот пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово и выражаемое им понятие. Число лексических единиц, являющихся концептами, ограничено, потому что не всякое обозначение явления есть концепт. Концептом становятся только те явления действительности, которые актуальны и ценны для культуры, имеют большое количество языковых единиц для своей фиксации, являются темой пословиц и поговорок, поэтических и прозаических текстов. Они являются своего рода символами, эмблемами, определенно указывающими на породивший их текст, ситуацию, знания. Они являются носителями культурной памяти народа [1: 36-38]. Однако, как и в случаях с реалиями, в художественных произведениях переводчики не всегда распознают концепты, и, следовательно, в переводе смысловый объем концепта не раскрывается полностью, а иногда и вовсе и переводится как обычное слово, что в свою очередь повлияет на качество перевода и, соответственно, на тот конечный эффект, который должен оказать перевод на читателей ПЯ. Одним из таких сложных, многослойных и часто повторяющихся концептов в творчестве А. Айвазяна является концепт “Западная Армения”. Концепт культуры в границах словесного знака и языка в целом предстает в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ [2: 81]. Он имеет “слоистое” строение, его слои являются результатом, “осадком” культурной жизни разных эпох. Он складывается из исторически разных слоев, отличных и по времени образования, и по происхождению, и по семантике. Притом во всех случаях актуализируются “исторические”, “пассивные” признаки концепта главным образом при общении людей внутри данной социальной группы, при общении их между собой, а не вовне, с другими группами [3: 26].

В текстах А. Айвазяна нами были отмечены несколько смысловых компонентов концепта “Западная Армения” – турецкое иго, война, потерянная

родина, беженец. Все это может активизироваться в сознании армянина одним лишь упоминанием топонимов Западной Армении. Ведь “концепт – это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму” [4: 273]. Этой парадигмой могут быть обусловлены переводческие неудачи, поэтому особенно с ними переводчикам нужно быть крайне бдительными. Рассмотрим несколько примеров:

Եւ Կորցնիւ իմ հաւրերուրոյնս և հոգիս զորոյն.

– Այս հագուստը... էրզրումից է...

Չալիս հաւնիւ է շատ հեռու փողոցները, փակուղիները, նրահցքները... [5]

Я теряю самообладание и кричу гневно:

– Эта одежда... из Эрзрума! (“Старая тахта”. Пер. А.Баяндур) [6].

У каждого народа есть концепты, которые аккумулируют в себе колоссальный объем понятий, чувств и образов. Это концепты-сигналы, которые сразу включают в сознании читателя целый комплекс чувств и ассоциаций. Так, название города *Тифлис* вызывает у всех жителей Закавказья совсем иные ассоциации, чем *Тбилиси*. Все это должно быть отражено в переводе, а иначе читатель ПЯ может не понять подтекст. Здесь словом-сигналом является Эрзрум. Одно это слово служит ключом к пониманию всего рассказа “Старая тахта”, ведь, как отмечает А.Д. Шмелев, “...лексическую единицу какого-либо языка можно считать “ключевой”, если она служит своего рода ключом к пониманию каких-то важных особенностей культуры народа, пользующегося данным языком” [7: 18]. Эрзрум – один из древних, цветущих городов Западной Армении, жители которого отчаянно противостояли туркам. Месяцами длилась осада Эрзрума, пока враг не смог захватить город, после чего началась беспощадная резня. Некоторым все же удалось покинуть город и перейти в Восточную Армению и другие страны. Каждый армянин при слове Эрзрум представляет картину героической обороны, жестокой резни, и в целом – образ потерянной родины. Уже само это слово аккумулирует в себе все знания героя рассказа об этих событиях, об истории бегства его отца в Восточную Армению. И одежда, доставшаяся ему от отца, была частью этой истории, и история была ее частью. Это очень ярко представлено в оригинале:

Но когда его (отца – М.Г.) не стало, когда сделался воспоминанием, его слова словно оплели сверток со старой одеждой и затаились в углу тахты (“Старая тахта”. Пер. А.Баяндур).

И неудивительно, что все сразу замолкают, когда герой А.Айвазяна, над которым смеются, потому что он надел лохмотья, гневно кричит, что эта одежда из Эрзрума. Всего этого подтекста в слове *Эрзрум* русскоязычный читатель не видит, и его как минимум должно заинтересовать, почему это слово так повлияло на всех. Переводчик, имея это в виду, должна была своим переводом помочь понять подтекст, о котором сам автор намекнул в начале произведения и на котором держатся кульминация и развязка рассказа. Вместо этого переводчик пропустила также важное и следующее предложение «*Չալիս հաւնիւ է շատ հեռու փողոցները, փակուղիները, նրահցքները...*», что служит доказательством того, что слова героя повлияли на всех, и помогает понять продолжение.

Մարդիկ քարանուժ են: Գլուխները հպարտ վեր են բարձրացնում ու կանգնում երկու կողմից որպես պատվո՞ւ պահակ, և ես տանում եմ նրանց միջով հորս ցնցոտիները:

И я вижу: люди на улице замирают, потом становятся по обе стороны мостовой, как почетный караул, и я несу сквозь этот строй, гордо проношу на себе одежду отца.

С учетом сказанного мы предлагаем такой вариант перевода:

– Она ведь из того... нашего... Эрзрума.

Этот подтекст важен для А. Айвазяна и не раз повторяется в его рассказах.

Например:

Ընդհանրապես հայրս շատ ընկերներ ուներ: Մեկը Կարինից էր, մյուսը՝ Կարսից, երրորդը՝ Պոլսից... Յուրաքանչյուրը հեռավոր մի հեքիաթային քաղաքի փշրված բեկոր, յուրաքանչյուրը մի մեծ լացի մի արցունք:

Вообще у отца было много друзей. Один был родом из Карина, другой из Карса, третий из Константинополя... Каждый из них – обломок какого-то далекого сказочного города, каждый – слезинка большой скорби («Треугольник». Пер. Е.Шатирян) [6].

В переводе данного отрывка подтекст, связанный с концептом “Западая Армения”, опять исчезает. То, что понятно армяноязычному читателю, может оказаться совсем непонятным для русскоязычного читателя, поэтому переводчик должен попытаться своим переводом хотя бы намекнуть на подтекст, чтобы у читателя была возможность понять почему эти города – обломки каких-то далеких сказочных городов и почему каждый из них – слезинка большой скорби. Только к топониму Карин переводчик дает сноску – армянское название Эрзрума.

Этот концепт отражен и в рассказах “Яма” и “Подушка Алесана”. У встречающихся в этих рассказах топонимов Амиш (Համիշ) и Карс такой же подтекст, как и у Эрзрума.

Համշեցիները փախչում էին թուրքերից, նվազագույն հնարավորության դեպքում կմնային իրենց երկրում, կխրվեին իրենց հողի մեջ, կուտեին հողը, հողի որդի կդառնային, սյուների փոխարեն կկանգնեին իրենց կտուրների տակ, արմատները կգցեին մինչև երկրագնդի կենտրոնը, կխմեին ծովի աղի ջուրը և հենց դրա համար էլ նրանց նեղում էին:

... Амишцы убежали от турок. Будь на то хоть малейшая возможность, они встали бы под кровлями своих домов, подперев их, как столбы, уперлись бы ногами в землю и пустили корни глубоко, до самой ее сердцевины, превратились бы в земляных червей, ели землю, пили бы соленую морскую воду... (“Яма”. Пер. Э.Канановой).

Интересно, что ни разу ни в этом, ни в других рассказах А. Айвазян не использует слова *геноцид*, *резня* (ցեղասպանություն, ջարդ), ни разу из уст его героев не звучало проклятие или обвинение в адрес турок. А. Айвазян лишь часто использует слово «*զախրա՛վան*». Беженец – это человек, оставивший место своего жительства вследствие какого-нибудь бедствия. А. Айвазян даже не говорит о том, что за бедствие заставило армян покинуть свою родину. Он рассказывает нам о лишениях, трудностях, страданиях армян, о нашей потерянной родине и в достаточно мягком тоне пишет: «...*հենց դրա համար էլ նրանց նեղում էին*». Именно этого важного предложения и нет в переводе, нет также предложения «...*կմնային իրենց երկրում*», которое говорит о том, что армян притесняли на *их* же родине.

Карс тоже в свое время был одним из крупных городов Западной Армении, торговым центром региона и с такой же печальной судьбой, как и Эрзрум. Герой рассказа – племянник Алексана, узнав, что одна из подушек дяди привезена из Карса, удивляется:

– *Из самого Карса? – удивился я. – Не может быть...*

Герой удивился, потому что перед ним сразу возник подтекст, о котором говорилось выше в связи с Эрзрумом. И переводчик никак не объясняет Карс, хотя перевод нельзя считать ущербным, поскольку рассказ сам, в отличие от первого примера, выполняет эту функцию. Если в рассказе “Старая тахта” есть только намек на подтекст, то в рассказе “Подушка Алексана” (пер. А. Баяндур) он открыто представлен: Алексан подробно описывает бегство семьи из Карса, трудности, перенесенные ими по дороге в Восточную Армению. И поэтому уцелевшая подушка так дорога для него. И если бы данный концепт встретился в другом тексте, без такого развернутого объяснения, то опять-таки возникла бы проблема передачи подтекста, как в случае с Эрзрумом.

Перевод “Подушки Алексана” содержит, впрочем, и другие неточности:

– *Աղջիկ, մեկ մեր Արևաշի համար չալ շինե՛ք, – ասաց քեզի և շարքը փափմեցրո՛ւք լիւրթե՛ց* [5]:

– *Девушка, а ну-ка для нашего Арташа чай сообрази, – сказал мой дядюшка и разгрыз кусок сахара* (“Подушка Алексана”. Пер. А. Баяндур) [6].

Перевод данного отрывка делает очевидным невнимательность переводчика к особенностям коммуникативного поведения героев рассказа. Под коммуникативным поведением мы, вслед за В.С. Григорьевой понимаем реализуемые в коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности. Коммуникативное поведение, как правило, имеет ярко выраженную национальную окраску, на что переводчик не обратила внимания. Характер и специфика дискурсивной деятельности личности обусловлены набором морально-этнических установок, которые могут быть как универсальными, общечеловеческими, так и специфически национальными [10: 231-238]. В нашем случае мы имеем дело именно со специфически национальными установками коммуникативного поведения героев. Армянское слово «աղջիկ» разговорная форма от слова «աղջիկ» и переводится на русский язык как “девушка” – однако не в этом тексте, поскольку разговорная форма имеет и другое значение – женщина: этим словом армянин иногда обращается к жене. Это легко было понять, прочитав продолжение и узнав, что с места встала жена Алексана, и в комнате были только его жена и сын. Как свидетельствует А.Вежицкая: “В любом обществе существуют не только некоторые правила грамматики, но и определенные “правила речи”, которые можно назвать “культурными скриптами”. “Культурные скрипты” – выраженные простыми словами формулы, которые пытаются моделировать на основании лингвистических доводов культурные правила данного общества” [11: 533]. Имея в виду все сказанное, можно было перевести:

– *Жена, а ну-ка для...*

Национальный менталитет каждой лингвокультурной общности имеет свои особенности, которые отражаются в содержании и строении культурных концептов. Свойством выражать национальную специфику обладает каждая единица языка и культуры [12]. Концепт характеризуется комплексом

значений, которые приобретает языковой знак, выражая национально значимый смысл. Концепты включают в себя, помимо предметной отнесенности, всю коммуникативно значимую информацию [13].

Текст, несомненно, является важнейшей единицей культуры, и поэтому при переводе, который в свою очередь представляет собой взаимодействие двух языков и двух культур, т.е. межкультурную коммуникацию, нужен комплексный подход, который сочетает в себе собственно лингвистическую подготовку и знание социокультурного контекста изучаемого языка. Такой подход позволяет обеспечить адекватный перевод с неродного языка на родной. Наше исследование показало, что для получения адекватного перевода необходимо подробное изучение лингвокультурных особенностей оригинала, поэтому культурологический подход к переводу художественного текста является обязательным, поскольку любой текст, особенно художественный, несет отпечаток культуры данного народа, информацию и о той эпохе, о которой писалось, и о той, когда писалось, и, несомненно, отражает особенности авторской личности и его мировоззрение, а также его цели и мотивы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, Наука, 2011. – 295 с.
2. *Колесов В.В.* Жизнь происходит от слова... СПб., 1999. – 368 с.
3. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М: Школа“Языки русской культуры”, 1997. – 824 с.
4. *Воркачев С.Г.* Культурный концепт и значение // Труды Кубанского гос. ун-та, Сер. Гуманитарные науки. Краснодар: 2003. Т. 17. Вып. 2. С. 268-276.
5. *Միլիզյան Ա.Ա. Ընտիր երկեր:* Եր.: Սովետական գրող, 1987. – 545 էջ:
6. *Айвазян А.С.* Вывески Тифлиса. Ер.: Советакан грох, 1981. – 258 с.
7. *Шмелев А.Д.* Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка // А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.
8. *Միլիզյան Ա.Ա. Տոհմի:* Եր.: Նաիրի, 2003. – 270 էջ:
9. *Айвазян А.С.* Долгая, долгая, мучительная жизнь Иуды. Ер.: Наيري, 1996. - 175 с.
10. *Григорьева В.С.* Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.
11. *Вежибицкая А.* Еврейские культурные скрипты и понимание евангелия //Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура // в сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой, отв.ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 533-547.
12. *Решке Н.А.* Концепт «хлеб / bread» в языковом сознании представителей русской, английской и американской лингвокультурных общностей / Научная библиотека КиберЛенинка // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskij-i-kontseptualnyy-aspekty-issledovaniya-leksemy-hleb>
13. *Филиппова Е.В.* Концепт «хлеб» как прототипический образ семантической изотопии “еда” // URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=5154
14. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1970. – 900 с.

THE CONCEPT “WESTERN ARMENIA” IN A. AYVAZYAN’S WORKS
G.A. MKRTCHYAN
Yerevan State University

In this article we analyzed the concept “Western Armenia” in the works of the great Armenian writer A. Ayvazyan. In the A. Ayvazyan’s texts we noted several semantic component of the concept “Western Armenia” – the Turkish yoke, war, lost homeland/motherland/country, refugee. And all this can be activated in the minds of Armenian only mention of toponyms of Western Armenia. However, as our analysis shows, not in all cases, the translators were able to recognize this concept, which is no accident was introduced by the author, deeply experienced the tragedy of his people, about which was forbidden to speak.

Key words: *notion, concept, language fixation, translation, subtext, Linguistic and Cultural features, original, Western Armenia, refugee.*

“ԱՐԵՎԱՏՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆ” ՀԱՍԿԱՑՈՒՅԹԸ Ա. ԱՅՎԱԶՅԱՆԻ
ՍՏԵՂԾԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ
Գ.Ա. ՄԿՐՏՉՅԱՆ

ԵՊՀ

Սույն հոդվածում վերլուծել ենք “Արևմտյան Հայաստան” հասկացույթը հայ մեծանուն գրող Ա. Այվազյանի ստեղծագործություններում: Ա. Այվազյանի տեքստերում մեր կողմից առանձնացվել են տվյալ հասկացույթի մի քանի իմաստային բաղադրիչներ՝ թուրքական լուծ, պատերազմ, կորցրած հայրենիք, զաղթական: Հայի գիտակցության մեջ այդ ամենը կարող է ակտիվանալ թեկուզ միայն Արևմտյան Հայաստանի տեղանունները լսելիս: Սակայն, ինչպես ցույց տվեց մեր ուսումնասիրությունը, թարգմանիչները ոչ բոլոր դեպքերում են բացահայտել այս հասկացույթը, որը բոլորովին պատահական չի ներդրվել հեղինակի կողմից, ով տառապում էր իր ազգի ողբերգությամբ, որի մասին խոսելն անգամ արգելված էր:

Բանալի բառեր՝ *հասկացություն, հասկացույթ, լեզվական գրանցում, թարգմանություն, ենթատեքստ, բնօրինակ, լեզվամշակութային առանձնահատկություններ, Արևմտյան Հայաստան, զաղթական:*